

Левитов Павел Васильевич

**Современный аморализм и его
ВИДЫ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Васильевич Л.**
Современный аморализм и его виды / Левитов Павел Васильевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 58 с.

ISBN 978-5-519-92818-2

ISBN 978-5-519-92818-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

есть, абсолютная обязательность нравственного закона основывается на его какъ неизмѣнности, такъ и цѣнности. Если добро вѣчно останется само собою и если оно выше всего остального, то отсюда можно сдѣлать два вывода: 1) объ его объективно-метафизическомъ характерѣ, 2) о томъ, что ради него можно жертвовать всѣмъ, а оно само можетъ быть только цѣлью и никогда средствомъ для чего бы то ни было. Въ тѣ эпохи, когда возникаетъ сомнѣніе въ неизмѣнности нравственного добра, падаетъ въ сознаніи общества и его цѣнность, а это, въ свою очередь, влечетъ за собою отрицаніе его абсолютной обязательности для всѣхъ людей. Именно съ этимъ явленіемъ мы и сталкиваемся въ настоящее время въ ученіяхъ такъ называемаго аморализма.

Аморализмъ, какъ отрицаніе абсолютной цѣнности нрав-
ственного добра и всеобщей обязательности нравственного за-
кона, въ зародышевой формѣ существуетъ такъ же давно, какъ
и сама мысль человѣческая. Объ идеяхъ, какъ и о явленіяхъ природы, можно сказать словами Екклесіаста: „Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое, но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“ (гл. 9—10 ст.). Аномизмъ вытекаетъ, какъ естественное слѣдствіе, изъ основоположеній матеріалистической и скептической философіи, появившихся еще въ древнемъ мірѣ; онъ замѣтенъ и въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ, особенно въ гностицизмѣ. Но какъ система и какъ направленіе не одной только философіи, а и всей духовной культуры, онъ есть явленіе сравнительно новое и усилился преимущественно на почвѣ тѣхъ философскихъ и естественно-научныхъ теченій, которыя проповѣдывали относительность *всѣхъ* требованій человѣческой природы, подрывая, такимъ образомъ, и вѣру въ неизмѣнность законовъ нравственности. Распространеніе современнаго аморализма не безъ основанія связывается съ именемъ философа Ницше, а его, міровоззрѣніе, углубляясь корнями своими въ классическую древность, главнымъ образомъ основывается на выводахъ философіи Канта и Шопенгауэра—съ одной стороны, эволюціонной школы—съ другой. „Критика

чистаго разума“ раскрыла несовершенство человѣческаго знанія, заключающееся не въ какихъ либо внѣшнихъ и случайныхъ причинахъ, а въ самой организаціи нашей природы. Человѣку доступна лишь феноменальная сторона существующаго: міръ ноуменовъ, или бытіе въ себѣ, составляетъ вѣчную тайну, искомое, которое никогда не будетъ найдено. Не только внѣшнія чувства, но и самый разумъ человѣка съ его законами, математическія аксіомы, логическія нормы, категоріи человѣческаго разсудка, идеи Безконечнаго, истиннаго добраго и прекраснаго—имѣютъ лишь субъективное значеніе, не приближая насъ къ истинѣ, а удаляя отъ нея, закрывая ея лицо все новыми и новыми субъективными наслоеніями.

Отсюда относительность ^{всѣхъ} ~~бсѣхъ~~ человѣческихъ понятій, въ томъ числѣ понятій о добромъ и зломъ. Правда, самъ Кантъ не сдѣлалъ этого послѣдняго вывода, найдя ~~убѣжище~~ отъ моральнаго скептицизма въ такъ называемомъ практическомъ разумѣ, но выводъ напрашивался самъ собою. Если человѣкъ извнѣ и изнутри связанъ, какъ скорлупой, своей физической и духовной организаціей, проходя сквозь призму которой, лучи истины искажаютъ свою подлинную природу, то, очевидно, все человѣческое есть „слишкомъ человѣческое“, то есть условное, относительное, — все, и въ томъ числѣ нравственный законъ.

Кантъ подкапывался подъ основы морали критикой познанія; Дарвинъ, Геккель, Спенсеръ—своими построеніями дѣйствительности. Въ мірѣ царствуетъ законъ эволюціи. Изъ первичныхъ туманностей, изъ безформеннаго хаоса матеріи въ теченіе милліоновъ вѣковъ мало по малу развивались тѣ формы бытія и жизни, которыя существуютъ въ настоящее время. Изъ неорганической матеріи, первоначально дезорганизованной, постепенно образовывались звѣздные міры съ ихъ взаимнымъ притяженіемъ; на планетахъ и, въ частности, на землѣ, послѣ того какъ онѣ остыли, появлялись долины, горы, рѣки и т. д. Затѣмъ возникла жизнь растительная, растенія переродились въ простѣйшія животныя, таковыя, по закону транс-

формаціи, совершенствовались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, отъ обезьяны не произошелъ человѣкъ. Люди сначала находились въ дикомъ состояніи, затѣмъ, подчиняясь общему закону прогресса, постепенно культивировались, пока не сдѣлались такими, каковы они теперь. Но эволюція міра не закончилась. Тотъ самый процессъ организаціи матеріи, который трансформировалъ неодушевленные атомы въ растенія, животныя, наконецъ, въ человѣка, который отъ гориллы произвелъ Сократа, Шекспира, Гете, Канта, — создастъ еще новую, высшую породу существъ. Человѣкъ не вѣнецъ мірозданія, а лишь переходное звено въ цѣпи существующаго, ступень отъ прошлаго къ будущему. „Человѣкъ есть то, что надо преодолѣть“, говоритъ Заратустра. Подобно тому, какъ растеніе превращается въ животное, а животное въ человѣка, такъ человѣкъ превратится въ новое высшее существо съ иными нравственными законами, стоящее „по ту сторону“ добра и зла, истины и лжи. Всѣ наши человѣческія понятія, въ томъ числѣ и нравственныя, измѣнчивы, относительно и условны. Сознаніе этой истины, жизненное проникновеніе ею, есть первый шагъ къ сверхчеловѣчеству. Только преодолевъ, умертвивъ и въ духѣ, и въ плоти своей все „человѣческое, слишкомъ человѣческое“, можетъ вступить человѣкъ въ новую высшую стадію бытія. Люди, сбросившіе съ себя цѣпи нравственности, порвавшіе связь со всѣми традиціями, не признающіе никакихъ авторитетовъ, находящіе одинаковость наслажденія въ обоихъ полюсахъ добродѣтели и порока, съ этой точки зрѣнія, ушли впередъ по лѣстницѣ космическаго развитія и суть высшіе культурно-историческіе типы сравнительно съ тѣми „рабами“ и „мѣщанами“ по духу, которые признаютъ для себя обязательность общепринятаго моральнаго кодекса.

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, чтобы Ницше былъ единственнымъ виновникомъ и, такъ сказать, творцомъ современнаго аморализма. Въ его сочиненіяхъ послѣдній лишь нашелъ себѣ наиболѣе сильное и яркое выраженіе. Съ другой стороны, едва ли кто изъ мыслителей оказывалъ такое вліяніе

въ *разсматриваемомъ направленіи* на современную мысль и, въ особенности, на художественное творчество, какъ пророкъ сверхчеловѣчества. Но что самая идея послѣдняго не была безусловно оригинальной даже и въ 19 столѣтіи,—это видно изъ того, что частію одновременно съ Ницше, частію еще раньше его, но независимо отъ него имморалистическіе типы начали выводиться Достоевскимъ, который не былъ знакомъ съ Ницше, ¹⁾ таковы: Раскольниковъ, убившій старуху, чтобы доказать свое право на преступленіе, Ставрогинъ, „не знающій различія въ красотѣ между какою нибудь сладострастною звѣрскою шуткой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнью для челоѣчества“, Кирилловъ, считавшій себя обязаннымъ „оказать своеволие“ и мечтавшій о челоѣкобожествѣ, Иванъ Карамазовъ съ его „все позволено“.

Герцъ въ „Преступленія и Наказанія“ раздѣляетъ всѣхъ людей на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), то есть, такъ сказать, на матеріаль, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, то есть, имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей *новое слово*. Второй разрядъ всѣхъ преступаютъ законъ, разрушители... „Если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы чрезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть чрезъ кровь—смотря, впрочемъ, по идеѣ и

¹⁾ Но нельзя предположить и обратнаго. Хотя самъ Ницше и называетъ Достоевскаго своимъ учителемъ, однакожъ, его знаменитый призывъ стать „по ту сторону“ добра и зла былъ провозглашенъ раньше его знакомства съ „Преступленіемъ и Наказаніемъ“. Кромѣ того доказано, что Ницше читалъ не всего Достоевскаго и, притомъ, читалъ въ плохихъ переводахъ. Если бы нѣмецкій философъ ознакомился со всѣмъ міровоззрѣніемъ нашего великаго писателя, то онъ, быть можетъ, и поохладѣлъ бы въ своемъ восторгѣ предъ нимъ. Это потому, что хотя между частными мыслями того и другого и есть тѣхоторое сродство, но ихъ исходные пункты и конечные выводы совершенно иные. Ницше остановился на аморализмѣ, а для Достоевскаго ваковой имѣлъ лишь значеніе этапа, перейдя чрезъ который, онъ воспѣлъ „осанна“ Христіанскому Богу любви, добра и смиренія. тому Богу, котораго такъ ненавидѣлъ Ницше.

по размѣрамъ ея“. И вотъ желая убѣдиться, къ какому разряду принадлежитъ онъ самъ, Раскольниковъ совершаетъ идейное преступленіе, убиваетъ старуху—ростовщицу не въ состояніи аффекта и не изъ корыстныхъ видовъ, а чтобы доказать самому себѣ свое *право* на пролитіе крови. „Я не старуху убилъ, говоритъ онъ Сонѣ, я принципъ убилъ... Я хотѣлъ узнать: вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ?.. Тварь ли я дрожащая, или право имѣю?“ Имморализмъ Кириллова находится въ тѣсной связи съ его богоборчествомъ. Онъ мечтаетъ о полной свободѣ человѣка и его божественности одновременно. Послѣ уничтоженія Бога, говоритъ онъ Ставрогину, наступитъ новая жизнь, тогда будетъ новый человѣкъ, все новое. „Тогда исторію будутъ раздѣлять на двѣ части: отъ горицъ до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли и всѣ чувства“. „Я три года искалъ атрибутъ Божества моего и нашель: атрибутъ Божества моего—Своеволіе! Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою“. Бога нѣтъ, а „сознать, что нѣтъ Бога, и не сознать въ тотъ же разъ, что Самъ Богомъ сталъ,—есть нелѣпость“ („Бѣсы“). Бѣсъ, являющійся, собственно, болѣзненнымъ воплощеніемъ самого Ивана Карамазова, такъ разсуждаетъ во время кошмара: „Надо всего только разрушить въ человѣкѣ идею о Богѣ... Человѣкъ возвеличится духомъ титанической гордости и явится человѣкобогъ... Ему все позволено—для Бога не существуетъ закона. Гдѣ станетъ Богъ, тамъ уже мѣсто Божіе“.

Какъ относился самъ Достоевскій къ создаваемымъ имъ аморалистическимъ типамъ? существуетъ мнѣніе, что онъ сочувствовалъ имъ, раздѣляя взгляды своихъ героевъ, хотѣвшихъ стать по ту сторону добра и зла. Но христіанскія воззрѣнія нашего великаго писателя достаточно извѣстны, чтобы онъ нуждался въ реабилитаціи отъ этого тяжкаго обвиненія. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны согласиться, что

онъ, какъ человѣкъ, всю жизнь свою искавшій истины и становившійся на самыя разнообразныя точки зрѣнія, сопоставляя ихъ одну съ другой, временно допускалъ возможность истинности аморализма, хотя и не останавливался на этомъ, а создавалъ такія картины, которыя должны были убѣдить читателя въ его несостоятельности, что психологія аморализма (такъ же, какъ и богоборчества) была понятна Достоевскому и даже находила себѣ нѣкоторый откликъ въ его душѣ, по крайней мѣрѣ тогда, когда его міровоззрѣніе еще не сложилось окончательно; доказательствомъ этого можетъ служить тотъ же его романъ „Преступленіе и Наказаніе“. Разсудокъ Раскольникова продолжалъ „бунтовать“ даже послѣ его окончательнаго рѣшенія покаяться, даже тогда, когда уже началось „наказаніе“. „Преступленіе, какое преступленіе?“—спрашивалъ онъ сестру Дуню, благословлявшую его на страданіе. „То, что я убилъ гадкую, вредную вошь, старушонку—процентщицу, никому ненужную, которую убить сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это то преступленіе? Не думаю я о немъ и смывать его не думаю... Только теперь вижу ясно нелѣпость моего малодушія, теперь, какъ уже рѣшился на этотъ ненужный стыдъ! Просто отъ низости и бездарности моей рѣшаюсь“. И уже находясь на каторгѣ, Раскольниковъ „не раскаивался въ своемъ преступленіи. Совѣсть моя покойна,—говорилъ онъ себѣ. Тѣ люди (настоящіе „властелины“) вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынесъ и, стало быть, я не имѣлъ права разрѣшать себѣ этотъ шагъ“. Правда, онъ лишь обманывалъ себя такимъ заявленіемъ. Въ дѣйствительности совѣсть его не была покойна. Въ немъ между двумя половинами его существа,—„духовнымъ“ и „душевымъ“ человѣкомъ—съ одной стороны, діалектикой разсудка и чувствомъ—съ другой, происходила ожесточенная внутренняя борьба, которая и закончилась его воскресеніемъ, положившимъ начало новой духовно-просвѣтленной и возрожденной жизни. Но, тѣмъ не менѣе, изъ приведенныхъ выдержекъ нельзя не видѣть, что

Достоевскій опытно въ душѣ своей пережилъ соблазнъ аморализма, глѣбоко проникъ въ его психологію, хотя и вышелъ изъ него побѣдителемъ. Разбойника Орлова, повидимому, заглушившаго въ себѣ всякую искру добра, онъ описываетъ такими чертами, изъ которыхъ нельзя не видѣть уваженія къ нему автора. А заканчивая свои „Записки изъ мертваго дома“, Достоевскій замѣчаетъ: „сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы“.

Но если Достоевскій независимъ отъ Ницше ни фактически, ни идейно, то другіе наши писатели, второй, такъ сказать, величины, находятся подъ его несомнѣннымъ вліяніемъ. Таковы: Горькій, Андреевъ, Арцыбашевъ, Мережковскій. Но о нихъ намъ еще неоднократно придется говорить при разсмотрѣніи частныхъ видовъ аморализма, къ которому мы и переходимъ.

*Аморализмъ натуралистическій. Апологія естественнаго чело-
вѣка въ современной русской литературѣ.* Натуралистическій аморализмъ самый древній и, въ то же время, наиболѣе распространенный. Онъ отрицаетъ обязательность нравственнаго закона во имя правъ челоѣческой природы и равноцѣнности всѣхъ ея влеченій физическихъ и духовныхъ. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ дохристіанскій міръ, въ особенности греки, этотъ жизнерадостнѣйшій изъ всѣхъ народовъ, не знавшій идеи грѣха, жившій стихійною жизнью. Душа эллина была свободна отъ тѣхъ мучительныхъ коллизій, которыя разрываютъ сердце современнаго челоѣка, онъ не сгибался подъ игомъ закона, а легко и свободно жилъ, какъ бы играя, подобно ребенку, безъ всякаго страха и запрета наслаждаясь радостями бытія. Совершенно противоположное настроеніе характеризуетъ средніе вѣка, когда готовы были проклинать естественнаго челоѣка съ его плотію и кровію, со всѣми его физическими

инстинктами, когда понятія грѣха и наслажденія считались синонимами, когда процвѣтали апофеозъ мученичества и культъ страданій. Католицизмъ готовъ былъ задушить живую человѣческую личность и превратить міръ въ мрачный казематъ, объявивъ преступнымъ всякое стремленіе къ счастью, наложивъ цѣпи на всѣ человѣческія радости. Но началась эпоха возрожденія и плоть снова заявила свои права. Если древне-классическій міръ жилъ безсознательно натуральною жизнью, то въ новое время люди уже сознательно начинаютъ бороться противъ тѣхъ аскетико-ригористическихъ началъ, которыя, какъ камень, давили человѣчество въ средневѣковье. Гуманисты начинаютъ отстаивать права плоти, защищая человѣческое счастье отъ всякихъ попытокъ надѣть на него узду и ограничить пользованіе имъ. При этомъ, въ качествѣ реакціи, впадаютъ въ противоположную крайность, доказывая, что всѣ человѣческія потребности одинаково святы, что для предпочтенія однихъ предъ другими,—самопожертвованія и самоограниченій—нѣтъ никакихъ основаній, что цѣпи закона и долга должны быть разрушены, а человѣкъ считаться съ одними лишь своими желаніями. Подобныя тенденціи встрѣчаемъ мы впослѣдствіи у энциклопедистовъ,—особенно у Руссо; наконецъ, въ 19 столѣтіи проникли онѣ и въ русскую художественную литературу. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія одно изъ первыхъ произведеній Л. Н. Толстого—„Казакъ“. Носителемъ имморально-натуралистическихъ воззрѣній является здѣсь дядя Ерощка,—этотъ, по выраженію Мережковского, „великій язычникъ“, человѣкъ непосредственныхъ, примитивныхъ побужденій, несложныхъ потребностей, любитель жизни и природы. Онъ не признаетъ различія между добромъ и зломъ, дозволеннымъ и недозволеннымъ. „По моему все одно“—говоритъ онъ. „Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаешь. А наши говорятъ, что за это (нарушеніе по-

стовъ) будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь... Это все уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, трава вырастетъ на могилкѣ, вотъ и все“.

Мысль о томъ, что любовь къ молодой казачкѣ Марьянкѣ есть грѣхъ, вызываетъ въ немъ недоумѣніе. „Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ“?—говоритъ онъ Оленину. „На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Это у васъ такъ. Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ“... Но особенно ярко выражены имморально-натуралистическіе взгляды у Арыцбашева въ его романѣ „Санинъ“, представляющемъ изъ себя апологію естественнаго человѣка, который будто бы всегда правъ въ своихъ дѣйствіяхъ и хотѣніяхъ. Только по неразумію люди различаютъ хорошее и дурное, полагаютъ границы своимъ желаніямъ, производятъ выборъ между ними. Извѣстнымъ образомъ регламентируютъ жизнь. Всѣ поступки человѣка одинаково хороши, всѣ желанія одинаково святы и есть одно только дѣйствительное преступленіе—это самоотреченіе, отказъ отъ личнаго счастья. „Желаніе—это все: когда въ человѣкѣ умираютъ желанія,—умираетъ и его жизнь, а когда онъ убиваетъ желанія, убиваетъ себя“. На возраженіе Юрія Сварожича: „но вѣдь желанія могутъ быть злыми... тогда какъ“? Санинъ отвѣтилъ: „такъ же“. Жизнь человѣка должна протекать стихійно, внѣ какихъ бы то ни было моральныхъ рамокъ, сдерживающихъ нормъ. На вопросъ матери: „какъ ты жить будешь“? Санинъ отвѣтилъ: „какъ нибудь“, и чувствовалось, замѣчаетъ авторъ, что эти два слова для него имѣютъ всеобъемлющій, опредѣленный и глубокій смыслъ. И дѣйствительно, самъ герой жилъ, считаясь единственно съ своими желаніями, и другихъ училъ тому же: „Живите“, говорилъ онъ, „какъ птица летаетъ: хочетъ взмахнуть правымъ крыломъ,—машетъ, хочетъ дерево обогнуть,—оггибаетъ... Моя жизнь—это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами—чортъ съ нимъ“! Понятія жертвы, долга, отреченія вызываютъ въ Санинѣ отвращеніе и злобу. „Эхъ, люди, люди“!

говорить онъ. „Создадутъ себѣ призракъ, условіе, миражъ и страдаютъ. А кричатъ: человѣкъ царь! Царь природы, которому никогда и царствовать не приходится: все страдаетъ и и боится своей же собственной тѣни“. „Человѣкъ—это гармоническое сочетаніе тѣла и духа, но мы разрушили его уродливымъ міросозерцаніемъ. Мы заклеили желанія тѣла животностью, стали стыдиться ихъ, облекли въ унижительную форму и создали одностороннее существованіе... Тѣ изъ насъ, которые слабы по существу, не замѣчаютъ этого и влачатъ жизнь въ цѣпяхъ; но тѣ, которые только слабы вслѣдствіе связавшаго ихъ ложнаго взгляда на жизнь и самихъ себя, тѣ—мученики: смятая сила рвется вонъ, тѣло проситъ радости и мучаетъ ихъ самихъ. Всю жизнь они бродятъ среди раздвоеній, хватаются за каждую соломинку въ сферѣ нравственныхъ идеаловъ и, въ концѣ концовъ, боятся жить, тоскуютъ, боятся чувствовать“.

Апоѳеозъ естественнаго человѣка имѣлъ бы для себя почву, если бы не было акта грѣхопаденія. Разъ природа человѣка совершенна, то нѣтъ основаній бороться съ собою, предпочитать одни потребности и влеченія другимъ, беспокоиться о послѣдствіяхъ нашего поведенія и т. д. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Не одно только слово Божіе, въ святость котораго не вѣрятъ современные антиномисты, но и сама жизнь (а по словамъ Санина—„человѣкъ не можетъ быть выше жизни—онъ только частица ея“), а равно и художественная литература, являющаяся какъ бы зеркаломъ ея, одинаково свидѣтельствуетъ о коренной порчѣ человѣческой природы, о червоточинѣ въ самой сердцевинѣ нашего существа, о мучительныхъ антиноміяхъ, раздирающихъ нашу душу, о несогласованности между хотѣніями и потребностями человѣка,—съ одной стороны, и объективнымъ строемъ міра—съ другой. Арцыбашевъ и ему подобные признаютъ прѣсными и мѣщански пошлыми понятія добра и зла, но они высоко цѣнятъ человѣческое счастье, опредѣляя самую жизнь, какъ совокупность ощущеній пріятнаго и непріятнаго.) Вотъ именно съ